

УДК 101.1:316.347

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы особенности конструирования этнокультурной идентичности в современном городском пространстве. Выявлены закономерности в актуализации этнокультурной идентичности с учетом численных и возрастных показателей населения города, а также внешнего агрессивного фактора социодинамики. Уделено внимание проблемным аспектам этнической самокатегоризации среди мигрантов: этническая культура становится символическим нарративом и способом самопрезентации в условиях иного этнокультурного пространства. Затронут вопрос о статусе и значимости этнокультурной идентичности в повседневном городском пространстве этнофоров. Выделены институциональный и индивидуальный форматы актуализации темы этничности для поддержания внутригрупповой сплоченности и локальной идентичности. Подчеркнута необходимость обращения к конструктивистской парадигме интерпретации этничности, трактуемой как открытая и изменчивая структура, принадлежность к которой определяется не столько по объективным показателям, сколько по символическим маркерам.

Ключевые слова: этнос; этничность; этнокультурная идентичность; город; мегаполис; миграция; мигрант; этнофор; толерантность; этнические стереотипы; диалог культур; конструктивизм.

METAMORPHOSES OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE MODERN URBAN ENVIRONMENT

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the characteristics of creating an ethnocultural identity in modern urban settings. The author notes trends in the actualisation of ethnocultural identity while accounting for the population's numerical and age indicators, and the existence of an aggravating sociodynamic external element. The research focuses in particular on highlighting problematic elements of immigrant ethnic self-categorisation: ethnic culture transforms into a symbolic story and a means of self-presentation in a new ethnocultural setting. The status and importance of ethnocultural identity in the daily urban environment of ethnophores is another issue that the author brings up. The preservation of local identity and intragroup cohesiveness emphasises the institutional and individual formats for discussing ethnicity. It is stressed that in order to understand ethnicity, one must adopt the constructivist paradigm, which views ethnicity as a flexible and open structure whose membership is mostly decided by symbolic markers rather than objective markers.

Keywords: ethnos; ethnicity; ethnocultural identity; city; metropolis; migration; migrant; ethnophor; tolerance; ethnic stereotypes; dialogue of cultures; constructivism.

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Метаморфозы этнокультурной идентичности в современной городской среде. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:67–73.
EDN: CZVBND

For citation:

Kurbacheva OV. Metamorphoses of ethnocultural identity in the modern urban environment. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2: 67–73. Russian.
EDN: CZVBND

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

Современный город представляет собой транскультурное и полиэтничное пространство, в котором пересекается множество различных культурных практик и традиций. Сегодня демографическая статистика больших городов чаще всего показывает разнообразие национальных и этнических культур. Даже в небольшом по сравнению с другими мегаполисами Минске (по данным национальной статистики на 1 января 2023 г., население Минска составило 1 995 471 человек)¹ насчитывается более 25 национальных культур, среди которых можно отметить как многочисленные (русские, поляки, украинцы, евреи), так и малочисленные (удмурты, турки, корейцы, осетины) этнические группы². В современных условиях жизни в крупных городах не только расширяется матрица социальных ролей, но и заметно трансформируется этнокультурная идентичность городских жителей. Сегодня городской среде свойственна более гибкая и подвижная идентификационная модель, возникает эффект множественной или даже «дрейфующей» этнокультурной идентичности. Еще М. Вебер, анализируя процессы урбанизации, подчеркивал, что для создания города современного типа характерен отказ от традиционных социальных связей и переход к рационально-экономическим отношениям [1, с. 335]. Вместе с тем космополитичная модель городской среды, как и концепция мультикультурализма «салатница» или «плавильный котел», является не критичной и даже идеализированной моделью. В общественном сознании по-прежнему сохраняются этнокультурные стереотипы и предубеждения, которые могут выражаться как активно, так и в фоновом режиме, но при этом влияют на характер социального взаимодействия. Сегодня мегаполисы становятся не только центрами социокультурного, профессионального или финансового развития, но и местами этнокультурной напряженности, бытового шовинизма, этнофобии и потенциальных (или реальных) этнокультурных конфликтов. Уже при приближении к вопросам этнокультурной идентичности в современной городской среде становится очевидной проблемность поднимаемой темы. Актуальна ли этнокультурная идентичность в городской среде сегодня и что она из себя представляет? Влияет ли тип города по численности населения на востребованность этнического самосознания? Какова роль миграционного процесса в специфике этнокультурного взаимодействия в городе? Эти и многие другие вопросы легли в основу настоящего социально-философского исследования. Они аккумулируют различные проблемные аспекты этничности в пространстве городской среды.

Для осмысления заданной темы в первую очередь следует обозначить семантические границы интерпретации феномена этнокультурной идентичности. Выходя за пределы эссенциалистских трактовок этноса, основывающихся преимущественно на понимании неизменности и гомогенности этнической группы, автор данной работы предлагает концептуализировать этнокультурную идентичность как принадлежность к конкретной этнической группе с разделением свойственных ей мировоззренческих универсалий, ценностных ориентаций и символов. При этом важной особенностью выступают динамичный и открытый характер процесса самокатегоризации, в котором человек (этнофор) выступает не пассивным носителем этнокультурных маркеров, а активным субъектом, определяющим свою идентичность. По данной причине этнокультурная идентичность может быть устойчивой либо вариативной, множественной, вынужденной или даже «дрейфующей».

Как уже было отмечено, современный город является гетерогенным полиэтничным сообществом. В нем формируется уникальное пространство, отличающееся административно-территориальными, производственными, функциональными, транспортными, демографическими и другими характеристиками. В рамках настоящей статьи интерес представляет именно численная типология городов, в соответствии с которой в градостроительной практике выделяют малые (до 50 тыс. жителей), средние (от 50 тыс. до 100 тыс. жителей), крупные (от 100 тыс. до 1 млн жителей) и крупнейшие (более 1 млн жителей) города [2, с. 72]. Численные показатели влияют на следующее: чем больше по количеству жителей город, тем более актуальной становится тема этнокультурного взаимодействия. Эта закономерность объясняется тем, что в малых или средних городах производственная и организационно-хозяйственная деятельность обеспечивается за счет внутреннего ресурса жителей: рабочие места чаще всего являются ограниченными и не требуют дополнительного приглашения или привлекательных условий для найма со стороны. К проблеме отсутствия трудовой иммиграции можно добавить проблемы в таких важных сферах, как туризм и образование. Зарубежные студенты, туристы и представители трудовой иммиграции составляют существенную долю иностранцев в стране. Высшие учебные заведения, способные организовать обучение на международном уровне, чаще всего расположены именно в крупнейших городах. По этим причинам сельская местность и малые города (за исключением приграничных зон) являются более монолитным этнокуль-

¹Численность населения на 1 января 2024 г. по областям и г. Минску // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : сайт. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan-roob/ (дата обращения: 10.01.2024).

²Национальный состав населения Республики Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: <https://belarus21.by/Articles/1458134839> (дата обращения: 10.01.2024).

турным сообществом, в которое входит знакомая локальная аудитория, приобретающая в процессе совместной жизнедеятельности паттерны поведения, символические ритуалы, традиции и отличающаяся местным наречием. Соответственно, чем больше население, тем меньше определенности и больше разнообразных культурных практик, которые могут как интегрироваться в общую городскую среду, так и формировать относительно сепарированные городские районы, где проживают в основном диаспоры. В качестве примера можно привести данные Германии. Здесь одной из самых многочисленных диаспор в 2023 и 2024 гг. выступает турецкая диаспора (более 17 % представителей от общего числа иностранцев), локализуемая в больших городах преимущественно сепарированными районами (Берлин, Дортмунд, Кёльн, Бремен и др.)⁵.

Еще одним важным аспектом, раскрывающим специфику этнокультурной проблематики в городской среде, является возрастной критерий. Влияет ли возраст горожан на их востребованность в этнокультурном самоопределении? Ответ на данный вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Безусловно, нельзя говорить о четких возрастных границах этнокультурной идентичности. Самокатегоризация представляет собой очень сложный процесс и отражает индивидуальный запрос каждого этнофора. Вместе с тем важно понимать, что потребность в самоопределении может быть актуализирована внешними факторами: насильственной ассимиляцией, миграцией, активной формой аккультурации и иными обстоятельствами, при которых этнофор вынужден взаимодействовать с другой общностью, он также испытывает необходимость в фиксации символических границ своего и чужого. Следует учитывать, что особенности развития и проявления этнического самосознания детерминированы этапами психологического развития человека и стадиями психосоциальной идентичности [3, с. 148]. Иными словами, можно проследить определенные возрастные закономерности, отражающие уровень значимости этничности в повседневной практике горожан, без воздействия на них агрессивного внешнего фактора. Многочисленные психологические исследования указывают, что старшее поколение характеризуется консервативностью в самокатегоризации и имеет невысокий уровень принятия этнокультурной инаковости, что безусловно отражает установившуюся и осознанную позицию более возрастных респондентов, а также историко-культурный контекст жизненного опыта [4, с. 95]. Психологи определяют возраст формирования этнокультурной идентичности как младший подростковый возраст (10–11 лет), т. е. такой период, когда осознаются границы своего, происходит самоутвер-

ждение и одновременно обрисовывается образ чужого [3, с. 143]. По этой причине этническая толерантность, а также признание инаковости и проявление уважения к ней свойственны молодому поколению. Такая открытость иным культурам обуславливается как внутренними психологическими факторами, так и внешними обстоятельствами: с одной стороны, это происходит из-за возрастного стремления к чему-то новому, с другой стороны, сегодня молодое поколение изначально находится в условиях глобализационного и информационного открытого общества, в рамках которого инаковость воспринимается как норма. При этом важно отметить, что существенную роль играют условия взросления и становления индивида, когда конституируется собственная этнокультурная идентичность. На форму самосознания влияют уровень образования, семейные ценности и мировоззренческие установки, социальные этнические стереотипы, финансовое благополучие в семье, позволяющее, например, путешествовать и узнавать другой мир. Устанавливаемая культурная грамотность снижает уровень этнического негативизма и стереотипизации, а следовательно, повышает уровень этнической толерантности.

При анализе воздействия численности городского населения на актуализацию проблемы этнокультурной идентичности возникает вопрос о значимости вышеупомянутых аспектов не только для крупных или больших, но и для малочисленных городов. Так, в малых городах или сельской местности этнокультурная идентичность не является вопросом первой важности. Поэтому можно сделать вывод о том, что в более гомогенной среде с невыраженной этнокультурной дифференциацией идентификационные маркеры находятся в латентном состоянии. Значимым обстоятельством, способным актуализировать групповое этническое самоопределение, выступает внешний фактор: геополитические изменения или кризисы могут послужить импульсом для роста этнокультурного или национального самосознания, что проявляется в мифологизации истории, героизации отдельных событий или личностей, популяризации национального языка, обычаев или участвовавшей практики обращения к традиционным ценностям. Ярким примером этнического ренессанса является период распада СССР, характеризующийся, с одной стороны, колоссальной геополитической трансформацией, социально-экономическим кризисом, а с другой стороны, подъемом этнонациональных интересов и движений, в рамках которых актуализируется и даже политизируется этничность [4, с. 26].

В больших городах гетерогенность – это не просто норма, а исходные условия, в которых развивается культура. Так как мегаполисы по своей сущности

⁵Миграция и интеграция // Факты о Германии : сайт. URL: <https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/migraciya-i-integraciya> (дата обращения 17.01.2024).

полиэтничны, в повседневной городской культуре постепенно формируется надэтническая универсализированная система знаков, которая является специфической именно для данного времени и места и аккумулирует все локальные этнокультурные коды в общий габитус. Так, границы этничности размываются и представляют собой скорее символический нарратив. Однако следует избегать идеализированного образа большой городской среды, а также дифференцировать уровни идентичности и специфику взаимодействия людей. В зависимости от того, какой будет выбран критерий принадлежности к той или иной группе, уровень солидарности и признания индивидами друг друга в качестве членов своей общности будет варьироваться. Условным и предельно типизированным своим может быть горожанин как представитель общей воображаемой городской (я минчанин, одессит, таллинец, лондонец и т. д.) или национальной (я белорус, поляк, украинец) идентичности. Однако при оценивании этнокультурной идентичности свой лондонец может быть определен как представитель чужой, иной этнической культуры. Это явление хорошо иллюстрирует разница между наименованиями «русский» и «россиянин». Данные понятия отражают различные уровни идентичности – этнокультурную и гражданскую, которые следует разграничивать: можно быть россиянином, но не русским, или русским, но не россиянином. Иначе говоря, этнокультурная идентичность может сосуществовать с другими идентичностями: гражданской, конфессиональной, городской и т. д. Она чаще всего находится в латентном фоновом режиме, пока нет своеобразного запроса на самоидентификацию или внешнюю категоризацию (обозначить символические границы чужого). В качестве такого запроса, актуализирующего интерес к этнокультурной идентичности, как уже было обозначено выше, чаще всего выступает внешний фактор: ассимиляция, военная угроза, конфликтное состояние, потеря независимости и другие причины.

Следует отдельно сказать о влиянии миграционного фактора на этнические процессы в современной городской среде. Миграция напрямую усиливает интерес к этнической самокатегоризации. Психологический стресс, который испытывает мигрант при смене места жительства, в большинстве своем связан с чувством оторванности, потери привычного образа жизни и окружения, страха перед неизвестным. По этой причине у мигранта включается защитный механизм – поиск или сохранение знакомого, того, что хотя бы на символическом уровне будет связывать его с домом или утраченным местом. И одним из способов реализовать эту связь выступает актуализация этнокультурной идентичности. При этом осознание себя как части целого может быть абсолютно незначимым или находиться на периферии духовно-ценностных установок у человека, который живет внутри привычного этнокультурно-

го пространства. Но при символической потере, смене этого пространства возникает потребность в самокатегоризации, необходимой для преодоления чувства оторванности и отчужденности, что может проявляться по-разному (например, разговор, чтение литературы или слушание музыки на родном языке, соблюдение национальных традиций, посещение мероприятий, посвященных родной культуре). Этничность в таком случае выступает конструируемой системой знаков, актуализирующейся для человека в конкретное время, своеобразным символическим нарративом, при использовании которого возможно самоопределение мигранта.

Проблема этнокультурной идентичности среди мигрантов является сложной и многогранной темой для осмысления. Для иллюстрации «рельефности» вопроса представляется необходимым обратиться к конкретным моделям миграционной практики. Показательным примером выступает Лондон, который по праву считается иммигрантской столицей: около 40 % населения этого города – выходцы из других стран. Соответственно, в данном случае тема этнокультурной идентичности является более чем востребованной [5]. Разберем сложность и «рельефность» этой темы на примере крупных иммигрантских районов Лондона, среди которых можно выделить Китайский квартал, Брикстон (среди самых многочисленных народов проживает малочисленный народ – ямайцы), Маленькую Индию (или Саутолл) и др. Эти сепарированные районы есть своеобразные этнокультурные анклавов, в которых даже рекламные вывески и названия автобусных остановок прописываются или озвучиваются на местном языке, а система общественного питания и обслуживания осуществляется в соответствии с локальными поведенческими паттернами, традиционными установками и привычками иммигрантов [5]. Попадая в эти районы, человек символически трансгрессирует в иное знаковое пространство, фактически оставаясь в пределах исходного государства. Повышенный уровень этносоциальной сплоченности в таких этнических зонах проявляется в бытовой, профессиональной, культурно-развлекательной и непосредственно в социально-экономической сферах. Сепарированное проживание и поддержание традиционного порядка обусловлено тремя важными взаимосвязанными факторами: экономическим, психологическим и социальным. Пребывание в условных границах своего места (локальной этнической зоны) позволяет по меньшей мере снять психологический стресс из-за отчужденности, одиночества или оторванности от дома. Такие районы – это символическое место психологического комфорта, в котором человека окружают знакомые образы, язык, система ценностей и предпочтений, вплоть до привычного и установленного внешнего облика жителей. Габитус иммигранта в этнических городских анклавах заново собирается и обеспечивает знакомое, а значит, надежное жизненное пространство.

Среди своих легче или быстрее найти жилье, работу, получить социальную и финансовую поддержку. При этом наблюдается такая закономерность: чем тяжелее финансовое положение у мигрантов или чем ниже уровень культурной и языковой грамотности, в частности знания международного языка или языка принимаемого государства, тем сильнее поддерживаются традиционные связи внутри сепарированной этнической группы [6, с. 68]. Этническая категоризация представляет собой и символический защитный пояс, позволяющий мигранту найти свое место и сохранить устоявшиеся духовно-мировоззренческие ценности, и своеобразный акт этнической солидарности для представителей одной культуры. Вместе с тем уровень этнокультурной идентичности в таких условиях может быть нестабильным и принимать гиперболлизированную форму. Например, он может варьироваться от этноцентризма до этнофанатизма с ярко выраженной приверженностью к групповой догме, т. е. к непосредственным коренным жителям, и интолерантному отношению к иноэтническому окружению (нежелание вписываться в существующую систему правил). Как следствие, возникают различные этнокультурные конфликты, кризисы в межэтническом диалоге, влекущие за собой антиэмигрантские настроения. При этом важно учитывать и другую закономерность: для второго и последующих поколений мигрантов характерен более высокий уровень адаптивности и культурной грамотности, даже если их первое поколение придерживалось акцентированной сепарации. Со временем развивается нелинейная модель идентификации, интегрирующая различные культурные коды. Самокатегоризация, включающая дифференцированные идентификационные маркеры (например, маркеры городской, этнической, национальной, конфессиональной и другой системы означивания), становится более гибкой. С учетом глобализационных процессов на уровне правительства стран и непосредственно руководства мегаполисов осуществляется постепенная миграционная политика, ориентированная на интеграцию населения и формирование конструктивной модели отношений. И сегодня при сохранении этнических анклавов увеличивается доля взаимодействия мигрантов с представителями других культур (в образовании, на культурно-массовых мероприятиях, в сфере искусства, бизнеса и др.), а значит, постепенно создается универсальное жизненное пространство, аккумулирующее различные культурные установки, не исключающие при этом локальные ценности.

Вместе с тем стоит разделять миграционные процессы по своим видам и причинам (факторам). Модели поведения и стратегии аккультурации мигрантов в городах будут различаться в зависимости от причины миграции, ее временных показателей (постоянная или временная миграция), характера (добровольная или принудительная миграция), степени законности (легальная или нелегальная миграция), а также

от общего уровня жизни и культурной грамотности индивидов. В соответствии с моделью канадского исследователя кросс-культурной коммуникации Дж. Берри можно выделить четыре стратегии аккультурации мигрантов: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и сегрегацию [7, p. 725]. В каждой из этих стратегий уровень этнокультурной идентичности может варьироваться, а также выражаться в толерантном или нетолерантном отношении к иной группе. Безусловно, проблема миграционного процесса и непосредственно идентичности мигрантов является отдельной темой для исследования, требующей детального осмысления.

Стоит отметить, что проблема этничности в городской среде актуальна не только для мигрантов, но и для этнофоров в своей привычной повседневной среде. Несмотря на то что в научной литературе тема этнической идентичности долгое время нивелировалась и переносилась в область периферийных вопросов под влиянием глобализационных тенденций, сегодня глобализация представляет собой сложный диалектический процесс, она во многом способствовала этническому ренессансу и актуализации проблемы идентичности, во-первых, из-за описанного выше миграционного потока, а во-вторых, из-за появления протекционистских реакций локальных культур на общую тенденцию универсализации [8, с. 51]. Как было обозначено ранее, проблема этнической идентификации более востребована в больших городах, а также актуальна в кризисные периоды социодинамики. Однако возникает вопрос о роли этничности для малых или средних городов и мегаполисов в спокойный период их развития, без явных внешних вызовов, а также о ее роли в условиях стабильного контролируемого миграционного потока.

Не является ли проблема этничности в частности и этнической категоризации в целом культурным анахронизмом для современного городского жителя? Чтобы ответить на данный вопрос, следует вернуться к вопросу о семантических границах интерпретации понятия этничности и выделить парадигмальные подходы к пониманию сущности этнокультурной идентичности. Если исходить из примордиалистской объяснительной модели, то этническая общность (и, соответственно, принадлежность к ней) фиксируется через объективные и неизменные характеристики этнофоров посредством как их антропогенетического портрета, так и социально-культурных особенностей в виде языка, самосознания, самоназвания, традиций и т. д. [9, с. 37]. Однако перманентный процесс аккультурации, глобализационные и одновременно антиглобализационные тенденции в развитии, а следовательно, и меняющаяся конфигурация геополитических структур снимают иллюзорный занавес эссенциализма, построенный на идее неизменности. Именно в таких парадигмальных рамках интерпретации этнокультурная идентичность для горожанина представляется культурным рудиментом.

В условиях миграционных движений, активного межкультурного взаимодействия и глобальных трансформаций идеи гомогенности и статичности по меньшей мере вызывают недоверие. Они снимают с повестки дня вопрос о необходимости осознания или проблематизации своей идентичности как у горожанина, так и у жителя сельской местности. Если этнос основывается на неизменных и объективных принципах «крови» и «почвы», то вопрос решается просто, отчасти с помощью фиксации, а все сложности самоопределения нивелируются. Однако на практике мы видим совсем иную картину как на уровне самих представителей этнической общности, так и на институциональном, государственном уровне признания этничности. Этнокультурная идентичность – это сложный многоуровневый процесс самокатегоризации, в котором интегрированы в единую взаимосвязанную систему эмоциональный, когнитивный и поведенческий уровни самоопределения. «Рельефность» вопроса заключается в том, что каждый из этих уровней неоднородный и нестабильный: эмоциональное отношение к своей группе и своему месту в ней изменчиво, знание о группе не является единожды данным и статичным, а поведенческие паттерны могут варьироваться. Более того, существует важный нюанс – внешнее признание, о котором писал еще Ф. Барт: чтобы идентифицировать себя как представителя определенной группы, недостаточно личной инициативы и индивидуального осознания себя частью той или иной общности (хочу быть французом, хочу быть белорусом), важно еще признание себя другими членами этой общности как своего [10, с. 10]. Следующим аспектом является поддержание внутригрупповой сплоченности и этнической солидарности, которая осуществляется институционально. Все эти обстоятельства отсылают нас к конструктивистской парадигме интерпретации, в рамках которой этничность представляет собой форму организации культурных различий и предполагает групповое сознание, чувство солидарности, мифотворчество и подвижные границы идентичности (Ф. Барт). Исходя из такой парадигмальной версии интерпретации, можно с уверенностью говорить о востребованности этнической проблематики в современной городской среде.

Более того, этничность в мегаполисах может выступать как форма самопрезентации (через язык, этнокультурную символику, аксессуары, музыку и т. д.). Однако вовсе не обязательно носить этническую традиционную одежду, чтобы чувствовать себя белорусом или представляться им. Хотя, стоит отметить, такая театрализованная демонстрация этнонациональной принадлежности присутствует в рамках проведения международных мероприятий (например, спортивных) либо в рамках реконструкции традиционных праздников или памятных событий. Эта легитимизированная институциональная форма самопрезентации является символическим наррати-

вом с очевидно конструктивистским значением. Стоит отметить, что на институциональном уровне элементы этничности в городской среде часто действительно представлены в театрализованной или декоративной форме: производство и продажа одежды с элементами или аксессуарами традиционной этнической культуры, украшение улиц, культурно-развлекательных мест и общественных мест питания, наличие в городском пространстве граффити и билбордов, выполненных в этническом стиле. Создание такого этнокультурного габитуса является одним из инструментов поддержания сплоченности народа и формирования этнической солидарности, приобщения людей к этнокультурному символическому капиталу и его сохранения. Этнокультурное наследие используется для национального брендинга и создания отличительных маркеров во многих странах. Что касается повседневной городской жизни самих этнофоров, безусловно, мы неосознанно прибегаем к определенным практикам и ритуалам, языковым формам разговорной речи и поведенческим алгоритмам, приобретенным и закрепленным в процессе инкультурации, а также отражающим нашу принадлежность к конкретной общности [11]. При этом этничность выступает как габитус, очертания которого не осознаются и обнаруживаются лишь при встрече с другой отличительной культурной средой.

Таким образом, проанализировав специфику формирования и развития этнокультурной идентичности в городской среде, можно выделить некоторые проблемные аспекты. Во-первых, существенную роль в актуализации вопросов идентичности играют численные показатели населения городов: чем больше количество жителей, тем более востребована необходимость в самоопределении. Крупные города представляют собой гетерогенное полиэтничное сообщество, в котором пересекаются различные культуры, мировоззренческие системы и обнаруживается потребность человека в самокатегоризации, чувстве символической сплоченности со своими. Во-вторых, внешний фактор социальной динамики может актуализировать и проблематизировать вопрос об этническом самоопределении. Была выявлена следующая закономерность: чем более спокойное и стабильное время, тем меньше запросов на идентичность. При возникновении внешних вызовов социокультурного, геополитического и экономического развития или каких-либо конфликтных ситуаций увеличивается потребность в групповой солидарности (этнической или гражданской). В-третьих, для мегаполисов, в которых количество точек пересечения с другими культурами возрастает в геометрической прогрессии, характерен повышенный уровень фрагментированности и анклавизации, что особенно явно прослеживается в среде мигрантов, их стратегиях аккультурации, приверженности к групповым ценностям и уровню толерантности к чужим культурам. В-четвертых, важным пунктом в осмыс-

лении этнокультурной идентичности в городском пространстве выступает вопрос о признании и принятии инаковости как таковой. Значимы не столько сами культурные отличия, сколько смыслы, которые мы им придаем. Ключевое требование совместного проживания и взаимодействия – формирование культурной грамотности, одним из пунктов которой выступает установка на важность знаний о других культурах и формирование уважительного отношения к ним, что непосредственно проявляется

в стремлениях к конструктивному сосуществованию как со стороны принимающей культуры, так и со стороны мигрантов. При этом главным аспектом развития городского пространства становится сохранение своего культурного облика. И именно этническая культура может быть таким символическим габитусом, в котором на институциональном уровне раскрываются ценность и значимость своего, а также происходит своеобразное брендинг локальной культуры.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. *История хозяйства. Город*. Кучков ГЭ, Саркитов НД, редакторы. Москва: Канон-пресс-Ц; 2001. 576 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
2. Старовойтов МК, Медведева ЛН. Типология городов: эволюция и многогранность подходов. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2008;4(6):71–75. EDN: ISCKRT.
3. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН, Академический проект; 2000. 320 с. Совместно с издательством «Деловая книга».
4. Науменко ЛИ, Водолажская ТВ. *Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2006. 183 с.
5. Битюкова ДП. Где живут мигранты в европейских столицах. *Демоскоп Weekly* [Интернет]. 2013 [процитировано 10 января 2024 г.]. Доступно по: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/tema01.php>.
6. Григорьев ДС. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения. *Социальная психология и общество*. 2017;8(3):63–84. EDN: ZQQMDH.
7. Berry JW. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30:719–734. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004.
8. Курбачёва ОВ. Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2018;4:49–55. EDN: YSDUNN.
9. Широкогоров СМ. *Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. Москва: URSS; 2022. 136 с.
10. Барт Ф, редактор. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Пильщиков И, переводчик. Москва: Новое издательство; 2006. 200 с.
11. Дробизева ЛМ. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013;3:73–83. EDN: RXOPCN.

References

1. Weber M. *Istoriya khozyaistva. Gorod* [History of the economy. City]. Kuchkov GE, Sarkitov ND, editors. Moscow: Kanonpress-Ts; 2001. 576 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
2. Starovoitov MK, Medvedeva LN. [Typology of cities: evolution and versatility of approaches]. *National Interests: Priorities and Security*. 2008;4(6):71–75. Russian. EDN: ISCKRT.
3. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS, Akademicheskii proekt; 2000. 320 p. Co-published by the «Delovaya kniga». Russian.
4. Naumenko LI, Vodolazhskaya TV. *Etnicheskaya i grazhdanskaya prindlezhnost' v vospriyatii naseleniya sovremennoi Belarusi* [Ethnicity and citizenship in the perception of the population of modern Belarus]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2006. 183 p. Russian.
5. Bityukova DP. [Where migrants live in European capitals]. *Demoskop Weekly* [Internet]. 2013 [cited 2024 January 10]. Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/tema01.php>. Russian.
6. Grigor'ev DS. [Discrimination against migrants in the socio-economic sphere: the role of intergroup attitudes of the host population]. *Social Psychology and Society*. 2017;8(3):63–84. Russian. EDN: ZQQMDH.
7. Berry JW. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30:719–734. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.06.004.
8. Kurbacheva OV. The phenomenon of ethnic renaissance in the context of global transcultural dialogue. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;4:49–55. Russian. EDN: YSDUNN.
9. Shirokogorov SM. *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii* [Ethnos. Study of the basic principles of changes in ethnic and ethnographic phenomena]. Moscow: URSS; 2022. 136 p. Russian.
10. Barth F, editor. *Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference*. Pil'shchikov I, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 200 p. Russian.
11. Drobizheva LM. Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2013;3:73–83. Russian. EDN: RXOPCN.

Статья поступила в редколлегию 25.01.2024.
Received by editorial board 25.01.2024.